

Надежда КОЛЫШКИНА

Таинственные знаки судьбы

Семья Зинаиды Шишовой. Старший брат ее, Константин, как и подobaет офицеру, присягнувшему Королю, — убежденный монархист, сестра Лёля — отчаянная эсерка, младший брат — книголюб и домосед, погруженный в словари и древние тексты, а сама Зика, лирик от рождения, — скорее, бунтарка, чем поэт. И с этим ничего не могут поделать ни Элеонора де-Рибодо — аристократка и красавица, ни Константин Шишов — строгий и вечно раздраженный педагог с неудавшейся карьерой.

Зинаида Константиновна Шишова появилась на свет в 1898 г. в обедневшей дворянской семье. Зика (так звали ее друзья и родные) пишет в автобиографии: "Мать моя — Элеонора Ипполитовна де-Рибодо — правнучка французского эмигранта-дворянина. Мой прадед в екатерининские времена был соратником герцога Ришелье, графа Ланжерона и адмирала Хосе де Рибаса и много потрудился при завоевании и при строительстве Одессы. С де-Рибасами Рибодо даже породнились, уж не помню, кто на ком женился, но с де-Рибасами мы считаемся "двоюродными".

"Детство мне выпало трудное, — пишет Зика, — в большой недружливой семье и к тому же малообеспеченной. С четвертого класса я давала уроки и полностью окупала свое содержание... Сочинять стихи я начала очень рано, задолго до того, как научилась их записывать... Училась я в частной женской гимназии О.В. Кандыбы и окончила ее в 1917 г. В этом же году было принято мое первое стихотворение в "Новый журнал для всех"... Меня это просто окрылило... В 8-й аудитории юридического факультета зародился первый Одесский союз поэтов. Там я познакомилась, а впоследствии сдружилась с Багрицким, Олешей, Катаевым и Адалисом... Мы назвали свой кружок "Зеленая лампа".

"Ведущими поэтами, писателями и журналистами того времени были в основном видные представители одесской буржуазии, — пишет в автобиографии Зинаида Шишова. — Александр Биск ("Бриллиантовая контора Биск и сын"), Е. Кранцфельд ("Банкирская контора Кранцфельд"), В. Инбер ("Паровые мельницы Инбер"), Михаил Лопатко ("Лондонская гостиница") и т. д. К тому времени "Зеленая лампа" пополнилась новыми членами: Наталией Крандиевской (Толстой), Алексеем Толстым, Леонидом Гроссманом. Меня в члены клуба рекомендовали Иван Бунин и Алексей Толстой".

Как экзотические цветы, вырастают на литературной ниве всё новые и новые имена, и каждому из них находится место на страницах альманахов, носящих столь же причудливые названия: "Седьмое покровало", "Авто в облаках", "Серебряные трубы", "Чудо в пустыне" и т. п. "На деньги богатого молодого человека — сына банкира, мецената и дилетанта... выпускались альманахи квадратного формата с шикарными названиями", — писал Катаев. (Цит. по: Зинаида Шишова. *Сильнее любви и смерти*. — Коктебель, 2011, с. 14.)

"В начале февраля 1918 года выходит "Первый альманах Студенческого литературно-художественного кружка", — пишет в статье "Это было, было в Одессе" Алена Яворская. — Премия кружка получает Зинаида Шишова — об этом сообщается на последней странице альманаха. Критик и поэт Марк Бертенсон отмечает стихи В. Катаева, Ю. Олеси и З. Шишовой, "ибо они поэты, пусть еще незрелые..., но поэты Божьей Милостью". (Там же, с. 19.)

Я помню, мы в детстве с тобою
склонялись над этим листом.
Наш путь был отмечен пунктиром,
а гавани — красным крестом.
Захо, Табаско, Чизлес —
и много таинственных стран,
И много таинственных знаков
готовил для нас океан...

— писала юная Зиночка Шишова своему младшему брату, не зная еще, что пунктирные пути их жизней будут весьма трагичны. "Таинственные знаки" судьбы проступают даже в самых ранних ее стихах. А когда пришла истинная любовь, поэтические предчувствия превратились в кошмар пророческого знания.

Стало страшно, когда погасла...
Поднялась на нас темнота.
Из лампы тяжелое масло
Залило одежды Христа.
Страшен лик от черного гнева.
Расступилась черная падь...
— Богородица, Присная Дева, —
Ты не знала. Тебе не понять.

— пишет в октябре 1918-го двадцатилетняя Зинаида Шишова, а через месяц уходит из

жизни ее первая любовь — Анатолий Фиолетов. Убит нелепо, как бы случайно. Будучи студентом Новороссийского университета и работая в угрозыске, пал от бандитской пули, тогда как брат его Осип (прототип Остапа Бендера) был с этой публикой, можно сказать, "на дружеской ноге".

Не повезло юной Зике, потерявшей Любовь. Сраженная смертью возлюбленного, она долго болела, перестала писать. Думала — навсегда. Спасли друзья по поэтическому цеху, и прежде всего — преданный дружбе Юрий Олеша, инициативный Валентин Катаев и отзывчивый Вениамин Бабаджан. Составив сборник ее стихов, они втайне от убитой горем Зики издали книжку под громким названием "Пенаты", предварив посвящением Анатолию Фиолетову.

Эта тоненькая книжка, изданная тиражом в 200 экз., сыграла в судьбе Шишовой простую, но магическую роль. Тогда, в 19-м, книга вернула Зикку к жизни. Нет, Шишова не вернулась в университет, где до этого училась на одном факультете с Шором (слишком много напоминало о нем), не взялась за перо, чтобы продолжить дело, бывшее не так давно общим и любимым. Она взялась за оружие. В прямом смысле этого слова. Не пугайтесь! Зика не стала террористкой и бомбометательницей, не стала доморощенной сыщицей, чтобы выследить и наказать убийцу мужа. Зинаида Шишова в свои двадцать с небольшим пошла служить в отряд по борьбе с бандитизмом. Отряд был мобильным и действовал в самых, как бы сейчас сказали, "горячих" точках Причерноморья. Эта хрупкая сероглазая девушка с копной дымчатых волос наряду с профессиональными революционерами (на деле, я полагаю, больше смахивающими на тех, за кем они гонялись) тряслась на тачанках по пыльным сельским дорогам, ночевала в прокуренных избах, ела сухой солдатский хлеб.

"Операции наши проходили в бандитских районах — Балта, Саврань, Гандрабуры, Пасицелы. Я имела ранение и заслужила благодарность Балтского укома партии", — отмечает в автобиографии Зинаида Шишова.

Сияние ее волос не долго прятала тугую стянутую красную косынку. Командир отряда комиссар Брухнов, человек прямой и решительный, приметил отчаянного бойца с грустными глазами и предложил преодолеть тяготы походной жизни вместе. Зика искренне увлеклась этой неординарной личностью, и в 1921 году они поженились. Происхождение ее новый избранник был портняжеским. Портвник и сын портвника, Брухнов, тем не менее, получил образование нотариуса, поскольку большевистской партии, в коей он состоял с дореволюционных лет, требовались грамотные люди. На фронтах первой мировой войны Аким Брухнов заслужил три Георгиевских креста, полагая, что истинный коммунист должен быть примером во всем. А из гражданской войны вышел с тремя ромбами в петлице, что соответствовало генеральскому чину. Друг и соратник Котовского, с которым они порубали немало белополюков, Брухнов отнюдь не был поэтом, но революционной романтикой было в нем с избытком. Когда комиссар с молодой женой (Брухнов был старше Зики на 17 лет) обосновались в Одессе, в обязанности его входила проверка рыбных промыслов Азово-Черноморского бассейна, и, тем не менее, их новорожденная дочь умерла от голода, поскольку комиссар не мог и не хотел пользоваться какими-либо привилегиями, когда народ бедствует.

12 октября 1924 года в семье Брухновых родился мальчик, которого нарекли Маратом. И здесь не обошлось без революционного пафоса. Счастливым отец утверждал, что к тому времени, когда их сын вырастет, не будет ни наций, ни государств, поэтому мальчик следует назвать интернациональным именем, а еще лучше — просто Камнем, в честь революционера Каменева. Зика робко предложила вместо Камня назвать Петром или же поискать другой героический символ. В состоянии революционеров, к счастью, победил неистовый француз. В его пользу сыграло то, что Марат — это и азиатское имя, а комиссар как раз собирался по воле партии в Среднюю Азию на борьбу с басмачеством.

Писать Зика в те годы перестала, лишь изредка из-под ее пера вырывались иронические строчки:

За спиной у мужа —
Не жизнь, а сон, —
Одежда, обуза,
Полный пансион.
Тесто на соде,
Тесто без соды...
Будьте ж вы прокляты,
"Сытые годы"!

Пока комиссар сражался за Светлое Будущее, Зинаида Константиновна воспитывала сына, с трудом сводя концы с концами. "В 1928 г. я окончила курсы по подготовке дошкольных работников, — пишет она в автобиографии, — заведовала яслями, детскими садами (28 — 30 гг.), работала статистиком райадминотдела в болгарском национальном районе (1930 г.), секретарем юрчасти треста "Коопхарч" в Одессе (1930 — 34 гг.). Тогда-то о ней и вспомнили друзья по литературному кружку "Зеленая лампа", которые к тому времени дружно перебрались в Москву.

"Катаев выслал мне деньги на поездку в Москву, — вспоминала позже Зинаида Шишова. — Готовился к выходу альманах памяти Багрицкого, и Катаев предложил написать воспоминания о Багрицком. Я пятнадцать лет ничего не писала и была уверена, что никогда не смогу писать... Катаев буквально вытолкнул меня в литературу".

Надо ли говорить, что "Воспоминания о Багрицком" вышли в 1936 г. с прекрасной статьей Шишовой о своем учителе и друге. А когда она вернулась в Одессу, в журналах (уже не столь многочисленных и не таких вольных) стали появляться рассказы З. Шишовой: "Кавалер Махаон", "Хутор дружбы", "Мама" и др. Зика начинает писать для детей, и не только потому, что главным ее читателем и критиком становится не по годам умный Марик, а прежде всего — по совету Катаева, подсадившего, что эта стезя не так опасна.

А опасаться было чего. Комиссара Брухнова не миновала судьба его друзей и соратников, с которыми они не только "торопили перемены", но и вершили революцию. В 1937 году Аким Брухнов получил 10 лет без права переписки, был сослан в Архангельские лагеря, где и погиб. Зинаида Константиновна с сыном автоматически попадали в сомнительный круг чекистских членов семьи врага народа, и переселение могло состояться не в Москву, куда Зикку по-прежнему звали друзья, а в места куда более отдаленные.

После ареста мужа Зинаида Константиновна переезжает из городской квартиры в рабочий пригородный поселок и с головой погружается в работу. В 1937 году закончена повесть "Великое плавание", о которой у нее есть договор с Детгизом (вышла в свет в 1940-м). Тут же начинается работа над повестью "Город у Моря" (посвящена Одессе, однако свет увидела под названием "Год вступления 1917"). Кроме того, Зика задумала исторический роман из жизни средневековой Англии. Для этого необходимо было в библиотеках, а Зинаида Константиновна панически боится появляться в общественных местах. Хоть волна арестов и схлынула, но все ли простили той, о которой писали: "фарфоровый божок одесского Парнаса", — ее "сытую жизнь" с комиссаром? Зависть и страсть к доносам, согласитесь, у многих в крови.

И снова судьба делает неожиданный кульбит. Старинные Зикины подруги — Крандиевская и Римская-Корсакова — уговаривают ее перебраться в Северную столицу. Там и библиотек хватает, и отделение Союза писателей, мол, не столь ядовитое, как в Москве.

В 1940-м году Зинаида Константиновна с Маратом переезжают в Ленинград, благо денег, полученных за "Великое плавание", хватает на комнату в кооперативном доме. В Северной Пальмире Зинаида Шишова много и увлеченно работает. Заканчивает исторический роман "Джек-Соломинка", собирает материалы для книги о Тредиаковском.

Город встретил войну без паники, а настроение подростков в нынешних понятиях даже описать трудно. Они больше всего боялись не успеть на войну, поскольку свято верили, что "на вражеской земле мы врага победим малой кровью, могучим ударом". Город перешел на осадное положение, но школы поначалу работали, а Союз писателей, членом которого Зика состояла, выдавал не только скудный паек, но первое время даже бумагу. Сладкий иссиня-черный дым с горящих Бадаевских складов стал провозвестником настоящего голода. Город методично бомбили, сознательно выводя из строя не только стратегические цели, но и жилой фонд. Кооперативный писательский дом также был разбомблен, и Зинаида Константиновна с сыном переехали в пустующую квартиру своих знакомых, успевших эвакуироваться.

Зинаида Константиновна в автобиографии пишет о тех страшных днях крайне скупно: "В комнате с наглухо забитыми досками окнами, при температуре 21 ниже нуля, с оборванными руками заниматься прозой было невозможно. Ее нужно было не только сочинять, но и записывать. А стихи можно было запоминать. Я начала снова писать стихи".

И снова стихи стали и проклятием, и спасением. Поэму З. Шишовой "Блокада" читали

по радио, чтобы поднять боевой дух ленинградцев, однако кому-то влиятельному стихи показались упадническими, и началась травля. Если бы не Фадеев, которому удалось осенью 1942 г. вывезти Зинаиду Константиновну с сыном из Ленинграда, они бы там, безусловно, погибли.

Едва оправившись от дистрофии, Марат ушел добровольцем на фронт, получив боевое крещение (как и первое свое ранение) под Сталинградом, а Зинаида Константиновна стала приспосабливаться к непростою литературной жизни Москвы.

Об этом периоде писать трудно, поскольку Зика не любила распространяться о своих невзгодах и никогда не осуждала своих обидчиков. Скажу лишь, что травля утихла лишь после веской резолюции Иосифа Сталина на ее письмо: "Прошу прекратить безобразие".

После войны жизнь легче не стала, хотя Марат вернулся живым и, можно сказать, невредимым. Не считать же — в самом деле! — серьезным ущербом две контузии и семь ранений, с одним из которых он пролежал в госпитале почти год.

Относительное материальное благополучие позволило Зинаиде Константиновне снова засесть за свой излюбленный жанр — детский исторический роман. С годами отношение к работе стало еще более серьезным, если не сказать — дотошным. Ездить в библиотеку, увы, было затруднительно, и Зика составляла длинные списки литературы, которую Марат должен добыть и привезти ей. Причем новый источник мог заставить ее заново переписать книгу. И это при том, что память у Зинаиды Константиновны была отменной, а дома имелась неплохая библиотека. В результате многочисленных переделок и перепечаток повесть "Путешествие в страну Офир" увидела свет незадолго до ее кончины. Смерть, всю жизнь кругами ходившая вокруг этой хрупкой, но мужественной женщины, настигла ее вьюжным декабрем 1977 года.

Последние годы Зика жила вместе с сыном и невесткой в их квартире на ул. Шукина. Зинаида Константиновна тяжело болела, отказывала ноги, но, опираясь на трость и руку Марата, она совершала короткие прогулки по Арбатским — тихим тогда — переулкам. И мечтала даже съездить в Ленинград и — обязательно! — в Одессу. Однако приходило лето, и Зика вновь выбирала место отдыха свое излюбленное Голицыно в Подмоскowie, где в те годы был Дом творчества писателей — очень уютное и нешумное место. Скончалась Зинаида Константиновна в Москве, на руках у сына, завещав развеять ее прах над Черным морем. Каюсь, но мы с Маратом тогда выполнить это желание не смогли.

Литературная судьба Зики, можно сказать, сложилась счастливо. Ее творческое наследие не забыто. Исторические романы, которые Зика называла повестями, в советские годы были в списке обязательной учебной литературы для школ и, что удивительно, рекомендованы к чтению школьникам и сейчас. Одно из крупнейших российских издательств "АСТ" в 2011-м году переиздало из них — "Великое плавание", "Джек-Соломинка" и "Путешествие в страну Офир". Однако самая удивительная судьба ждала первый поэтический сборник Шишовой — "Пенаты". Искать книгу, изданную тиражом в 200 экз., в городе, пережившем не одну оккупацию, а значит — голод и холод, когда и более солидные тома шли на растопку, было верхом наивности. Тогда книгу обнаружить не удалось. Книга нашлась в одной из частных библиотек и стараниями Евгения Михайловича Голубовского обрела свое место в Одесском литературном музее. Но это, увы, случилось уже после смерти Зинаиды Константиновны. А когда не стало в 2007 году и ее сына Марата, мне, как праводержателю их творческого наследия, пришлось приехать в Одессу, чтобы выполнить, наконец, последнюю волю дорогих моему сердцу людей. Марат и Зика обрели покой в родной земле, а часть праха, как они и завещали, была развеяна над морем. После чего свершилось истинное чудо. Накануне отъезда в Москву, случайно включив телевизор, я узнаю из городских новостей, что в сборнике "Дом князя Гагарина" — издании Одесского литературного музея — опубликованы стихи Зинаиды Шишовой, долгие годы считавшиеся утраченными.

Примерно год длилась моя переписка с Аленой Яворской и Евгением Голубовским, которые с энтузиазмом восприняли идею собрать все поэтическое наследие Зинаиды Шишовой и издать его отдельной книгой. Странная наша увенчалась успехом. В 2011 году в издательстве "Коктебель" вышла книга: Зинаида Шишова. "Сильнее любви и смерти".